

⁸⁴ Новгородские летописи. С.125, 126; АЗР. Т.2. С.332; Сб. РИО. Т.129. С.35.

⁸⁵ АИСЗР. Т.2. С.82,117,146–148,196–197,262.

⁸⁶ РК 1475–1598 гг. С. 94, 96, 98; ТКДТ. С. 82,83,84,91. Очевидно, по возрасту не попали в Тысячную книгу дети Я. И. Квашина, И.Б. Ляпуна Осинина, Д. И. Лошакова, Т. И. Заболоцкого. Все они позднее служили в качестве голов при воеводах, то есть входили в состав Государева двора.

⁸⁷ Новгородские летописи. С.128; *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб.,1992. С.92.

⁸⁸ *Мятлев Н.* Тысячники... С.62.

⁸⁹ *Зимин А.А.* Колычевы и русское боярство XIV–XVI вв. //АЕ за 1963 год. М., 1964. С.65–67. Возможно, наличием подмосковных вотчин объясняется то обстоятельство, что новгородцы Колычевы могли выполнять обязанности придворную службу вдали от Новгородской земли. См.: ТКДТ. С.120; *Веселовский С.Б.* Исследования... С.390.

⁹⁰ ДАИ. Т.1. С.98; РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.619. Л.715; ТКДТ. С.119.

⁹¹ *Смирнов И.И.* Очерки политической истории... С.317–321; *Павлов А.П.* Государев двор... С.93.

⁹² ДАИ. Т.1. С.107; *Абрамович Г.В.* Поместная система... С.265.

⁹³ Сб. РИО. Т.59. С.536; *Кобрин В.Б.* Состав опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 год.М.,1960. С.21–91. Новгородцы стали попадать в опричный двор уже после 1570 г.

Г.Н. ЧАГИН

СЕВЕРНАЯ РУСЬ И ПЕРМСКИЕ ЗЕМЛИ В XI–XV ВВ.

Ознакомление русских людей с Уралом и его народами начинается, судя по летописным записям, с походов князей Великого Новгорода не позднее конца XI в. По речным путям и волокам они шли к западному склону Урала, чтобы завладеть лесами и горами, богатыми пушным зверем и разными рудами.

Об одном из первых походов новгородцев рассказал киевскому летописцу Гурята Рогович в 1096 г.: “Вот я хочу рассказать, что слышал четыре года тому назад, как рассказывал мне Гурята Рогович, новгородец, в таких словах: “Послал я отрока (в то время отроками назывались дружинники, участвовавшие в военных походах и в сборе дани. — Г.Ч.) своего в Печору, к людям, которые дань дают Новгороду; пришел мой отрок к ним и оттуда пошел в Югру. Югра — народ, говорящий непонятно, и живет в соседстве с самоядью в северных странах. Югра рассказывала моему отроку: удивительное мы встретили новое чудо, о котором мы до сих пор не слыхивали, а началось это третий год. Есть горы, заходящие в морскую луку, им же высота до небес; в тех горах — громкий крик и говор, и прорубая гору, желая прорубить; в той горе высечено оконце маленькое, и оттуда говорят, но нельзя понять языка их, но показывают на железо и махают рукой, прося железо. Если кто даст им железо — нож или секиру, то они взамен дают звериные шкуры. Путь к

тем горам непроходим из-за пропастей, снегов и лесов, так что не везде доходим до них; есть и подальше путь на север””.

Поход за данью 1092 г. был, вероятно, значительным, поскольку о нем помнил спустя четыре года новгородец Гурята Рогович, который сам в нем не участвовал. Новгородцы в то время побывали в бассейне р.Печоры. После этого уральская земля посещалась русскими людьми неоднократно. Крупные походы состоялись в 1187 и 1193 гг. Хотя нет прямых доказательств, но по летописным фактам можно предположить, что с XII в. печорские, вычегодские и камские земли находились в даннической зависимости у новгородских князей.

Никто другой, а именно новгородцы явились создателями слово *пермь*, которое попало в выдающийся памятник Древней Руси начала XII в. “Повесть временных лет”. Среди народов, которые “дань дают Руси”, названа и *пермь*. Если учесть, что первые походы русских на Урал проходили севернее бассейна Камы, то словом *пермь*, вероятнее всего, первоначально называли население Вычегодского бассейна, предков коми-зырян. Впоследствии эта территория в русских летописях именовалась *Пермью Старой*, *Пермью Вычегодской*. По мере знакомства русских с коренным населением Камского бассейна — предками коми-пермяков — название *пермь* закрепляется и за этими землями. В отличие от Перми Вычегодской, верхнекамские земли стали известны под именем *Перми Великой*. Это название часто встречается в письменных памятниках XIV в.: в Троицкой летописи под 1321 г., при описании похода на Каму брата Ивана Калиты Юрия Даниловича в 1324 г., в “Житии Стефана Пермского”, написанном Епифанием Премудрым в 1396 г.

Среди разных объяснений происхождения названия *пермь* признанной является гипотеза основателя отечественной школы финно-угроведов Д.В.Бубриха. Слово *пермь*, которое так прочно прижилось на уральской земле, пришло, оказывается, от финноязычных вепсов (в ранних летописях этот народ назывался еще весью), населявших землю между Онежским и Ладожским озерами. Именно здесь и проходили первые пути новгородцев, проникавших на Европейский Север в Заволочье. Встретившись с вепсами, новгородцы, естественно, интересовались еще более дальней северной землей. На языке вепсов далекая земля, или земля за рубежом, и называлась *перама*. Это слово до сих пор сохраняется у современных вепсов, проживающих в Карелии и Ленинградской области. Венское название *перама* трансформировалось сначала в *перемь*, а затем в *пермь*. Употребление заимствованного названия лингвисты легко объясняют законами развития русского языка. Кстати, до сих пор многие старожилы Северного Прикамья произносят это слово как *перемь*. Ознакомившись с коренным населением на Вычегде и Каме, новгородцы начали употреблять это слово и как топоним, и как этноним. В официальных источниках

XV—XVII вв. древнее население верхней Камы обозначалось как *пермяне, пермичи, пермяки*. Самоназванием же у них служил этноним *пермяк*. С образованием Коми-Пермяцкого автономного округа в 1925 г. коренное население Северного Прикамья, составившее основное этническое ядро округа, официально стало называть себя коми-пермяками, чтобы не путать с родственным коми-зырянским населением (за этим народом в советские годы закрепилось название *коми*) и с жителями всего Прикамья, называемыми по топониму пермяками. Кстати, на севере Пермской области в наши дни проживает обособленная коми этническая группа коми-язьвинцев, которая сохранила древнее самоназвание *пермяк*.

Верхнекамская земля, где вместе с коми-пермяками стало проживать и поселившееся здесь русское население, официально называлась до начала XVIII в. *Пермью Великой*. В некоторых письменных памятниках, в частности, в “Житии Стефана Пермского” и в Софийской первой летописи под 1396 г., к этому названию добавлены еще уточняющие слова *глаголемая Чусовая*. Появление этих слов было не случайным. Пермь Великая в XIV—XVII вв. включала обширные земли по Каме от ее истоков на западе до Уральского хребта на востоке, а с севера — от верховьев реки Печоры, где недалеко Чусовское озеро, до реки Чусовой на юге.

Однако в XIII в. у новгородцев, которые за пушниной и данью неоднократно направляли в пермские земли дружины ушкуйников, появились соперники сначала в лице ростово-суздальских, а позднее и московских князей. Опорным пунктом в овладении всеми североуральскими землями стал город Устюг Великий, основанный ростовским князем Константином Всеволодовичем в 1207 г.

Появление русских князей на Верхней Каме, Вычегде и Печоре вызвало беспокойство у волжских булгар. Из Среднего Поволжья они на протяжении длительного времени, судя по археологическому материалу, обнаруженному на верхнекамских селищах и городищах XI—XIII вв., приходили на древнепермскую землю не только за пушниной, но и с целью создания своих факторий для закрепления на северных землях и последующего включения их в свое государство. Но разгром Волжской Булгарии в 1236 г. монголо-татарами положил конец булгарскому вторжению. Исчезновение опасности со стороны Волжской Булгарии усиливало влияние на древнепермские земли со стороны как Новгородской республики, так и Московского княжества и, одновременно, вызывало их соперничество за новые земли.

Очевидно, к этому времени относится появление красивой легенды о Полуде-богатыре, который жил на горе вблизи Чердыни и отстаивал Пермь Великую от врагов. Приведем один из вариантов легенды, в котором рассказывается, что человек по имени Полуд происходил из

Новгорода: “Давно это было... когда на земле не перевелись богатыри старорусские. Был в Новгородском посаде Полюд-богатырь — силы несусветной. Жена у Полюда была раскрасавица, конь — Аргмак у него был могутный. Только раз вернулся Полюд из набега молодецкого, а жена его не встретила, отошла она во сыру землю. Сел Полюд снова на коня и поехал куда глаза глядят. Долго ехал он, путь прямой держал, все на север он поворачивал и приехал в земли горные. Выбрал гору он, что у Вишеры, взял все жительство к себе в данники. Только скоро стал похваться Полюд своей силою несусветною: если б, молвил он, в небо кольца мне ввернуть, притянул бы я небо ясное к горе своей. И лишь только так Полюд вымолвил, как сделался он сразу каменным и конь его тоже гранитом стал”².

Хотя в XIV — первой половине XV в. земли по Верхней Каме, Вычегде и Печоре считались волостями Великого Новгорода, Московское княжество, под власть которого переходили и ростово-суздальские земли, все активнее развертывало борьбу за эти земли. Они нужны были Москве как для пополнения материальных ресурсов, так и для укрепления своих позиций в дальнейшей борьбе с Казанским и Сибирским ханствами. Активная деятельность великих московских князей на Европейском Северо-Востоке являлась частью борьбы за создание единого Русского государства.

При достижении своих целей московские князья шли разными путями. Делом большой государственной важности они восприняли миссию Стефана Пермского. Московский князь Дмитрий Иванович выдал Стефану охранную грамоту, снабжал дружиной и деньгами, наделял правами сбора пошлин с торговых людей и ведения местных судебных дел. Епископ Коломенский Герасим благословил Стефана приобщать коми-зырян к христианству, строить церкви и поставлять иереев. Первые годы проповеди показали, что Пермская (Вычегодско-Вымская) земля уже “требовала себе епископа, поскольку до митрополита и до Москвы от нее далеко: как далеко отстоит Царьград от Москвы, так же далеко от Москвы дальняя Пермь”³.

Предложение Стефана прислать епископа было радушно принято в Москве великим князем Дмитрием Ивановичем и митрополитом Пименом. В 1383 г. первым епископом Пермской земли они поставили Стефана. По замечанию Епифания Премудрого, “было же его поставление как-то необыкновенно красиво и неожиданно, так что я готов был удивиться”⁴. Став епископом, Стефан Пермский повел еще более энергичную просветительскую деятельность, о которой Епифаний Премудрый поведал потомкам так: “Всех же своих крещеных он учил пребывать в вере и впредь преуспевать; сказал апостол: “забывая заднее и простираясь вперед”. И грамоте пермской учил их, и книги писал им, и святые церкви ставил им и освящал, иконами украшал и книгами

наполнял, и монастыри устраивал, и в чернецы постригал, и игуменов им назначал, священников-попов и дьяконов сам поставлял, и анагностов-иподьяконов ставил”⁵.

Помимо миссионерства, Стефану Пермскому приходилось защищать население от набегов вогулов и новгородских дружинников, завозить хлеб из Великого Устюга и спасать население от голода. В Новгороде Великом появление Пермской епархии воспринималось как вторжение Москвы в исконные новгородские земли. Князь и архиепископы стали чаще посылать в них дружинников, чтобы не допустить потерю своих северо-восточных владений. В 1386 г. Стефан Пермский вынужден был выехать в Новгород Великий и вести переговоры с архиепископом Алексеем о прекращении разорительных набегов дружинников. Духовными и светскими делами Стефан Пермский показал, что создавать Русское государство можно и “бескровным путем”.

По сути, образование епархии являлось началом перехода Перми Вычегодской к Москве. Городок Усть-Вымь приобрел важное значение религиозного и административного центра в финноугорском мире. Резиденция Стефана Пермского превратилась в крепость. Не только Стефан Пермский, но и другие епископы продолжали получать права, которые в то время обычно имели наместники Москвы. Поэтому пермские епископы одновременно пребывали в роли вассалов великих московских князей

При участии московских князей в Перми Великой в начале XV в. стали возникать первые русские поселения. Так, перешедший из Новгорода на московскую службу боярин Анфал Никитин на рубеже XIV—XV вв. основывает на Верхней Каме укрепленный Анфаловский городок. В это же время вологодские посадские люди Калинниковы построили варницы по притоку Камы — реке Боровой — и положили этим начало солеварению на пермской земле. Именно этот промысел, перенесенный около 1430 г. на соседний приток Камы — р.Усолку, вызвал к жизни новое поселение — город Соль Камскую (Соликамск).

В Москве понимали, что для прочного закрепления на землях, на которые претендовал Новгород Великий, необходима была власть настоящих наместников. Поэтому при епископе Пермском Питириме впервые “прислал князь великий Василий Васильевич на Пермскую землю наместника от роду вереиских князей Ермолая, да за ним Ермолаем за сыном его Василием правити Пермской землей Вычегодской, а старшего сына тово Ермолая, Михаила Ермолича отпустил на Великая Пермь на Чердыню”⁶. В этой летописной записи впервые упоминается главный город Перми Великой — Чердынь.

С этих пор великие московские князья в своей политической борьбе за отстранение Новгорода Великого от северо-восточных земель стали опираться одновременно на епископов и наместников. Из после-

дних пермских епископов Москва наиболее тесную связь сохраняла с Филофеем. Его епископство (1471—1501 гг.) пришлось на правление Ивана III, при котором завершилось официальное вхождение вычегодских, вымских и камских земель в Русское государство. Филофей Пермский участвовал в 1471 г. в поставлении нового архиепископа Новгородского, которое было организовано необычайно торжественно, чтобы закрепить победу Москвы над Новгородом Великим (юридическое право на этот акт Москве давала отказная грамота, полученная от Новгорода Великого на все земли, в том числе и на пермские). В 1472 г. Филофей принял активное участие в осуществлении Иваном III похода военного отряда на Верхнюю Каму, в Пермь Великую, с целью пресечения сепаратистских действий наместника великого князя Михаила Ермолича.

Власть Москвы вскоре закрепляется христианизацией населения. Она проводилась в два этапа. Сначала в 1455 г. “приездил владыко Питирим в Великую Пермь на Чердыню крестити ко святой вере чердынцов”, а потом в 1462 г. другой пермский епископ — Иона — “добавне крести Великую Пермь, постави им церкви и попы и княжат Михайловы крести”⁷. Именно с этого времени на древней пермской земле начинают строить первые храмы. В самой же Чердыни появляется первый на Урале Иоанно-Богословский монастырь.

Однако события 1460-1470-х гг. показали, что назначение наместника и христианизация не обеспечивали еще прочной власти московских князей в Перми Великой. Пермская земля не раз подвергалась разорительным набегам со стороны Казанского и Сибирского ханства, а Москва, занятая борьбой за овладение еще более северными новгородскими землями, не могла оказывать большую поддержку своему наместнику в Чердыни. К тому же сам наместник Михаил не всегда и стремился выполнять указания московского князя. Он даже был склонен перейти на службу Казанскому ханству, в 1471 г. отказался принять участие в объединенном походе русского отряда на Казань. Поэтому летописец, стремившийся к точному отражению жизни родной земли, вынужден был засвидетельствовать, что в то время “...пермяки за казанцев норовили, гостям казанским почести воздевали, людям торговым великого князя грубили”⁸.

События в Перми Великой были известны в Москве. И как только завершилась борьба с Великим Новгородом и была получена в 1471 г. отказная грамота на все новгородские земли, в том числе и на пермские, московский князь Иван III организует в 1472 г. крупный военный поход на Пермь Великую. Поход явился важным историческим событием не только для Урала, но и для всего Русского государства. Отряд был подготовлен в Великом Устюге. По указанию Ивана III в него включили “устюжан, белозерцев, вологжан, вычегжан”. Руководить походом было

поручено опытному военачальнику, участнику битвы с татарами на Каме и с новгородцами у реки Шелони князю Федору Пестрому Стародубскому и устюжскому воеводе Гавриле Нелидову.

Отряд пробирался старой дорогой из Великого Устюга на притоки Камы. От устья Черной по Весляне и Каме “на плотах и с коньми” сплавились до Анфаловского городка. Одна часть отряда во главе с Гаврилой Нелидовым ушла на нижнюю землю, захватила городок Перми Великой Урос, затем саму Чердынь и Покчу. Федор Пестрый отправился на верхнюю, северную землю, где ему пришлось с боем взять укрепленный городок Искор.

После взятия основных городков оба отряда встретились в Покче и “срубивше ту городок, седе в нем и приводе всю землю ту за великого князя”⁹. Весть об успешном завершении похода была получена в Москве 26 июня 1472 г.

Князь Федор Пестрый остался в новой столице — Покче, а наместника Михаила и местных воевод Бурмота, Мичкина, Кочу, Исура и Зырну вместе с товарами “16 сороков соболей, да шубу соболью, да пол-30 поставов сукна” и оружием “3 пансыри, да шелом, да две сабли булатные”¹⁰ отправил в Москву к Ивану III. Но “князь великий отпустил Михаила на Пермь ж княжити”¹¹. В результате похода территория Перми Великой одной из первой на Урале окончательно вошла в состав Русского государства. С этих пор на государственной печати был воспроизведен новый титул Ивана III: “Великий князь Владимирский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тверской, и Югорьский, и Пермский, и Болгарский, и иных”.

Великопермский князь Михаил правил до 1481 г. После его гибели в бою с пельмскими вогуличами (манси), нападшими на Чердынь и Покчу, в Перми Великой стал править его сын Матвей. Но в 1505 г. великий князь Василий III отстраняет Матвея и присылает из Москвы нового наместника — Василия Андреевича Ковра, порядок правления которого определяла специальная уставная грамота. Позднее в Чердыни наместников заменили воеводами, которые подчинялись Новгородскому приказу.

Вхождение Перми Великой в Русское государство явилось важным историческим событием. Появились возможности расширения государственных границ на востоке и освоения новых природных богатств. Народы, населявшие Урал, могли ближе познакомиться с культурными достижениями русского народа.

О продвижении Новгорода и Москвы на пермские земли мы рассказывали на основе летописных материалов. Но они, к сожалению, почти ничего не сообщают о миграции населения. Возможно, миграции русского населения на пермские земли еще и не происходили или же происходили крайне эпизодически, поскольку на памятниках предков коми-

зырян (бассейн Вычегды) и коми-пермяков (Верхняя Кама) IX—XIV вв. археологами обнаружено не так уж много предметов русского происхождения¹². По доступным нам ранним этнографическим материалам также не прослеживаются отношения населения Северного Прикамья и Новгородской земли¹³. Лингвисты, рассматривающие вопросы формирования русских говоров Западного Урала, приходят к выводу, что “говорить об образовании говоров, в основе которых лежали бы только новгородские, убедительных оснований нет”¹⁴.

В литературе имеются примеры, когда исследователи пытались связать некоторые черты русских говоров, материальной и духовной культуры с новгородским влиянием. Но к убедительным выводам из них никто не пришел, так как оказалось слишком мало доказательств для выделения новгородских черт из тех, которые наблюдались в культуре и быте русского и местного населения пермской земли. Также не возникает предположение об активных связях новгородской и пермской земель на основе данных о распространении былинной поэзии. Даже в раннем старожильческом русском районе — Северном Прикамье — она имела чрезвычайно ограниченное распространение, которую, как показали исследования фольклористов, в отличие от новгородцев и людей, вышедших из их числа на Русский Север, мало знало (а по мнению некоторых авторов, и не знало совсем) население тех мест Северо-Двинского бассейна, которые заселялись ростово-суздальцами¹⁵.

Причина данной ситуации, как мы уже в свое время писали, видится в характере миграций и в особенности сложения русского населения. Новгородцы стремились лишь взять дань с местного населения и возвратиться с ней назад. Мощное крестьянское и посадское движение из черносошных уездов Северо-Двинского бассейна, начавшееся с конца XV в., перекрыло пути новгородцам, которые на пермских землях так и не создали постоянных поселений.

Зная особенности русской народной культуры Приуралья — поселений, жилища, одежды, лексики, мы признаем, что в миграционном потоке на пермские земли участвовало население, ведущее ростово-суздальское происхождение. Но по отношению к ростово-суздальской земле Приуралье является регионом более позднего заселения, чем территория к востоку от Онежского озера (включая Сухону и верхнее течение Северной Двины). Миграционный поток переселенцев шел из ростово-суздальских земель в Приуралье в два этапа: сначала заселялись и обживались северо-двинские земли, а потом часть населения уходила на восточные, приуральские земли.

Освоение русским населением верхнекамских земель становится интенсивным с 1558 г., когда в целях укрепления восточных рубежей Русского государства Иван IV передал коми-пермяцкие земли Строгановым. Позднее владения Строгановых значительно расширились. Новые возмож-

ности в заселении и освоении Прикамья появились с включением в Русское государство территории Казанского ханства в 1552 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 167.

² Г.-н. Полюд-богатырь (записки экскурсанта) // Звезда (Пермь). 1928. 28 июля.

³ Житие Стефана Пермского // Святитель Стефан Пермский: К 600-летию со дня преставления. СПб., 1995. С.161.

⁴ Там же. С. 167.

⁵ Там же. С. 169.

⁶ Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып.4. С.261

⁷ Там же. С.262.

⁸ Там же.

⁹ ПСРЛ. М., 1965. Т. 12. С. 148.

¹⁰ Там же.

¹¹ Историко-филологический сборник. С.262.

¹² Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVII века. Иркутск, 1990. С.66.

¹³ Чагин Г.Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI — первой половине XIX в. Пермь, 1995. С.354.

¹⁴ Русские говоры пермского региона: Формирование, функционирование, развитие. Пермь, 1998. С. 12.

¹⁵ Дмитриева С.И. География распространения русских былин по материалам конца XIX — начала XX в. М., 1975. С.33-42; Чагин Г.Н. Этнокультурная история... С.237.

Е.В.ВЕРШИНИН

И ЕЩЕ РАЗ О КНЯЗЬЯХ ВЫМСКИХ И ВЕЛИКОПЕРМСКИХ

Трудно сказать, каким образом в научной литературе закрепляются устойчивые мифы. К числу таких мифов принадлежит распространенное в уральской региональной историографии утверждение о русском происхождении князей Вымских и Великопермских второй половины XV в., якобы родственных с князьями Вереяского удельного княжества.

В 1997 г. я в тезисном виде высказал свою точку зрения на князей Вымских и Великопермских, которые интересовали меня прежде всего со стороны их управленческих функций¹. Эта точка зрения вызвала критику пермского историка В.В.Мухина (тоже прозвучавшую в тезисном виде)². Игнорируя определенную цельность моего взгляда на указанных князей как на правителей, В.В.Мухин отметил в нем лишь посягательство на отстаиваемую известным археологом и историком